

ЛИСА В ПОЗОЛОТЕ 1

НИКА ЛУНАРА

18+

Ника Лунара

Лиса в позолоте

«Автор»

2026

Лунара Н.

Лиса в позолоте / Н. Лунара — «Автор», 2026

Элисия Стужева всегда знала: в мире, где всё решают деньги и связи, побеждает тот, кто умеет просчитывать каждый шаг. Она приходит в «Демидов Групп» не ради карьеры. У нее другая цель — попасть туда, где рождаются большие состояния, и навсегда изменить свою жизнь. Демьян Демидов кажется идеальной целью. Влиятельный, богатый, недостижимый. Мужчина, рядом с которым открываются любые возможности. Элисия умеет быть той, кого хотят видеть другие. За образом скромной и удобной девушки скрывается человек, который привык рассчитывать только на себя и идти к цели любой ценой. Но в мире, где каждый носит свою позолоту, невозможно бесконечно скрывать настоящего себя. И однажды игра, которую Элисия считала полностью просчитанной, начинает менять правила.

© Лунара Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	15
Глава 4.	19
Глава 5.	24
Глава 6.	28
Глава 7.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лиса в позолоте

Глава 1.

Элисия.

Запах дешёвого растворимого кофе всегда действовал безотказно. Он пробивался сквозь щели запертой двери, вытягивая меня из рваного, беспокойного сна, который так и не принёс облегчения.

Я открыла глаза и уставилась в потолок. В углу желтел старый след от протечки, которую мы с Олесей года два назад маскировали шпатлёвкой из строительного дискаунтера. Эта неровная полоса напоминала мне контурную карту моего будущего побега.

Будильник на тумбочке показывал шесть утра. Олесе через час выходить на смену в трикотажный цех. Значит, она поднялась ещё в пять, чтобы сварить этот кофе и приготовить завтрак перед моим главным собеседованием.

Я осторожно спустила ноги с кровати. В старой квартире любое движение отзывалось эхом. Одна половица жалобно скрипела под линолеумом, а другая заставляла дрожать стеклянные дверцы серванта, сохранившегося ещё со времён бабушкиной молодости. Со временем я выучила эту маленькую карту опасностей почти наизусть.

Линолеум в прихожей давно обтрепался до серого бетона, но вчера сестра вымыла его до зеркального блеска. В этих комнатах вообще всё держалось на отчаянной, почти стерильной чистоте. Мы жили на грани нищеты, но не опускались до небрежности. На окнах белели идеально отглаженные тюлевые занавески, из кухни тянуло домашней выпечкой, а старый штопанный халат сестры всегда пах кондиционером для стирки. Этот уют Леся создавала буквально из ничего. Моя гордая, упрямая сестра, выжимавшая себя до капли ради видимости нормальной жизни.

В платяном шкафу левая створка снова перекосилась, когда я её потянула. Внутри сиротливо висел почти весь мой гардероб, состоящий из двух свитеров, водолазки и пары джинсов. Рядом на плечиках покоилось моё «боевое оружие», на которое три недели назад ушли последние свободные деньги: графитовая юбка-карандаш и глухая блузка с воротником-стойкой. Дешёвая синтетика, но Леся лично перешила каждую вытачку, подогнав силуэт точно под мою талию, но при этом напрочь лишив вещь малейшего намека на призывную сексуальность.

Зеркало в ванной отразило то, что сегодня подлежало безжалостной маскировке: густая копна волос цвета литой меди и миндалевидные ярко-зелёные глаза с прищуром. Моя внешность всегда привлекала слишком много внимания. Броская, контрастная, опасная. Но для моего плана такой типаж был приговором. Демьян Демидов не подпустит к себе женщину, чья красота кричит сама за себя. Он сыт по горло глянцевыми пустышками и слишком хорошо знает, какую цену обычно выставляют за подобный фасад.

Одним резким заученным движением я стянула пряди в тугий низкий пучок, зафиксировала его тремя шпильками и залила лаком сильной фиксации. Когда с лица исчезли объём и медь, проявился бледный, покорный овал прилежной отличницы. Никакой косметики, только гигиенический бальзам на губах. Мои ресницы от природы были светлыми, поэтому без туши взгляд казался блеклым и немного сонным. Именно то, что нужно для роли идеального офисного планктона. Я опустила веки, окончательно гася изумрудный блеск.

Я покрывала себя этой фальшивой матовостью, словно тонким защитным напылением, скрывающим настоящий свет.

На кухне было душно от плиты. Олесья стояла спиной ко мне. Её прямые чёрные волосы цвета воронова крыла были стянуты резинкой, а плечи под поношенной оверсайз-толстовкой выглядели совсем хрупкими. Семь лет работы на износ превратили мою красивую двадцати-

шестилетнюю сестру в прозрачную тень, закованную в глухой панцирь ежедневного выживания.

— Доброе утро, — тихо произнесла она, не оборачиваясь. Сестра всегда безошибочно угадывала моё присутствие.

— Доброе, — я опустилась на стул с шатающейся ножкой.

Леся повернулась, поставила передо мной тарелку с тремя аккуратными золотистыми сырниками и чашку кофе, а сама села напротив. В её руках была старая кружка со сколотой ручкой, наполненная просто кипятком с долькой лимона.

— Ешь, тебе понадобятся силы, — она мягко улыбнулась, но в её глубоких карих глазах застыла усталость человека, который слишком долго воюет с обстоятельствами.

Три сырника — ровно столько, на сколько хватило последней пачки творога. Я быстро съела один, а пока Леся отвернулась к раковине, чтобы сполоснуть лопатку, бесшумно подвинула тарелку с оставшимися двумя к её кружке.

— Нервничаю перед собеседованием, Лесь, аппетита совсем нет. Мне одного за глаза хватит, честно, — сказала я, когда она повернулась.

Сестра посмотрела на плиту, затем перевела взгляд на меня. В её глазах мелькнула горечь вместе с благодарностью, но спорить она не стала. Мы обе слишком хорошо знали цену каждому грамму еды.

— Волнуешься? — Леся сделала глоток из кружки. — Всё-таки в «Демидов Групп» идешь. Даже архив у них, наверное, как отдельное государство.

Я сделала глоток горького кофе, понимая, что время пришло.

— Это уже четвертый кандидат, Лесь, — спокойно, без лишних интонаций произнесла я.

Олеся так и не донесла кружку до губ, медленно опустила её на потёртую клеёнку. Я заметила, как её тонкие пальцы дрогнули. Сторонний человек решил бы, что мы обсуждаем очередное собеседование, но сестра знала мой блокнот наизусть.

— Эля, пожалуйста, — её голос упал до шёпота, в котором отчётливо проступил страх. — Ты снова за своё?

Я промолчала, разглядывая через окно серую предрассветную Москву.

— Не говори мне, что ты идёшь в этот холдинг только потому, что нашла очередную цель, — Леся прикрыла глаза, будто заранее зная ответ.

— Нашла.

— Кто он?

— Демидов. Демьян Демидов.

Пальцы сестры сильнее сжали фарфор.

— Нет.

В этом коротком слове было столько ужаса, что мне всё стало ясно. Фамилия главы «Демидов Групп» прозвучала для неё сигналом опасности и предупреждением о том, что эта территория закрыта для таких, как мы. Леся слишком хорошо помнила моих прошлых кандидатов. Первый, владелец строительной сети, отпал из-за возраста и проблем с давлением: к нему невозможно было подобраться через рабочую структуру. Вторым, женатый ресторатор, искал не партнёра, а удобную содержанку по расписанию. Меня же интересовал весь пирог, а не жалкие крохи с чужого стола. Третий, молодой создатель фэшн-бренда, после детальной проверки оказался жителем совсем другого мира, где женщины не котирировались в принципе.

Раньше Леся спорила со мной, возмущалась и пыталась образумить. Но сейчас она впервые по-настоящему испугалась.

— Он опасен, Эля, — Леся подалась вперёд, нарушая дистанцию. — Ты вообще понимаешь, в чью игру ввязываешься? Демьян Демидов — не просто богатый мужчина из хроники. Это расчётливый человек, который привык получать желаемое. Зачем ты добровольно лезешь в этот капкан? У тебя красный диплом, найди нормальную работу.

— Нормальную? — я мягко, но настойчиво высвободила свои пальцы, и в моем тихом голосе проступила жёсткость. — Нормальную — это как у тебя? Чтобы в двадцать шесть лет иметь сорванную спину, землистый цвет лица и высчитывать копейки от зарплаты до зарплаты, гадая, сможем ли мы в следующем месяце оплатить этот чертов угол?

— Мне не нужны миллионы такой ценой, — Олеся почти выдохнула эти слова, её глаза подозрительно заблестели. — Я не хочу, чтобы ты торговала собой.

— А мне нужны, — отрезала я, поднимаясь со стула. — И я не собираюсь собой торговать, Леся. Я иду работать строго по диплому. Но я сделаю так, что этот человек сам захочет отдать мне всё. Нам. Мне не нужны яхты и бриллианты. Я просто больше никогда не хочу проверять баланс карты перед покупкой лекарств, еды или новых зимних сапог для тебя. Я хочу, чтобы мы наконец начали жить, а не выживать.

Сестра сжалась, словно от физической боли. В эту секунду между нами незримо пронеслось всё наше прошлое, о котором мы никогда не говорили вслух. Семь лет назад погиб отец, оставив после себя лишь долги, а следом маму разбил тяжелейший паралич. Олеся тогда было девятнадцать лет, время для университета, подруг и свиданий, но она бросила всё, забрала документы, пошла на комбинат, брала ночные смены, таскала на себе парализованную мать и следила, чтобы у меня в пятнадцать лет были нужные учебники. Годы изматывающего быта закончились смертью мамы, и Леся осталась эмоционально пустой, без образования и личной жизни.

Именно тогда, на кладбище, глядя на гроб матери и прозрачное лицо сестры, я дала себе зарок: больше никогда. Я зубами выгрызу для нас место под солнцем.

— Я ушла, — сказала я и коротко коснулась губами её бледной щеки.

Леся не ответила, оставшись стоять в прихожей. В её кулаке были зажаты ключи, на связке которых покачивался брелок в виде белой ласки, чуть потёртый от времени. Я подарила его ей ещё в прошлой, благополучной жизни. Тогда отец возвращался с работы вовремя, мама ворчала на его привычку разбрасывать вещи, а Леся делилась планами, уверенная, что весь мир открыт перед ней. Она собиралась окончить вуз, купить светлую квартиру с огромным окном на кухне, завести собаку и построить собственную жизнь. Она часто смеялась над моей недетской серьёзностью, а я верила, что у неё всё получится, потому что моя сестра умела находить выход из любого тупика.

Я протянула ей этого маленького металлического зверька после какой-то нелепой подростковой ссоры и тихо сказала: «Это ты». Леся тогда рассмеялась и спросила, почему именно ласка. Я лишь пожала плечами:

— Потому что ты маленькая, красивая и смелая. Ласки никого не боятся.

Через несколько лет моя отважная ласка стала той, кто держался на одном упрямстве, вытаскивая нас из очередной ямы. Под слоями усталости, тревог и бесконечных испытаний она спрятала ту самую девочку, которая когда-то беззаботно смеялась и верила, что мир создан для надежд, а не для постоянной борьбы.

Иногда я слышала, как за закрытой дверью ванной она плакала от бессилия, а потом выходила с умытым, спокойным лицом и спрашивала, сделала ли я уроки. Она никогда не жаловалась, никогда не требовала ничего для себя, словно её собственные желания были менее важны, чем моя возможность идти дальше. За этой усталостью всё ещё жила моя сестра — человек, который, несмотря на всё пережитое, продолжал верить, что у нас может быть другая жизнь.

Я выросла. И пришел мой черед защищать её. Ради Олеси я была готова играть по самым жестким правилам.

Автобус долго шёл по утренним пробкам, затем последовало душное, гудящее метро, из которого я вышла прямо в подземный перешеек делового центра. Здесь, у стеклянных галерей,

потоки резко смешивались. Офисный планктон, вываливающийся из подземки, сталкивался с теми, кто только что припарковал машины.

На выходе к эскалаторам меня грубо задела плечом. Женщина в безупречном кашемировом пальто цвета кэмел, с сумкой, стоимость которой равнялась двум годам нашей аренды, даже не повернула головы. Она только что поднялась с подземного паркинга и шла сквозь толпу к лифтам, отдавая распоряжения через беспроводной наушник. Её взгляд скользил поверх голов, без тени суеты или секундного сомнения. Уверенные в себе люди вообще редко оглядываются.

Я проводила её глазами, поправила сползающий ремешок своей кожзамовой сумки и запомнила этот уверенный разворот плеч. Хороший, а главное, бесплатный урок.

Когда я вышла на станции в деловом центре, у меня на секунду перехватило дыхание от масштаба окружающих высоток. Последние недели я потратила на изучение всего, что было связано с «Демидов Групп», игнорируя сплетни из прессы и светскую хронику. Меня интересовали только сухие факты: структура холдинга, история семьи, старые интервью и финансовая отчётность. Эта империя стояла на прочном фундаменте промышленного сектора: инженерные проекты, поставки оборудования, инфраструктурные контракты и логистика. Бизнес, созданный Игорем Демидовым, представлял собой огромную систему, где за каждой цифрой отчёта стояли реальные заводы.

Пять лет назад основатель полностью отошёл от оперативного управления, передав дела сыновьям, и уехал в Швейцарию. Демьяну Демидову тогда исполнилось двадцать восемь лет, и многие считали его слишком молодым для руководства структурой такого масштаба. Старые кадры видели в нём лишь наследника с громкой фамилией, но за прошедшие годы Демьян доказал обратное. Он не создавал бизнес с нуля, но полностью перестроил его внутреннюю архитектуру: ужесточил контроль рисков, оптимизировал процессы и заставил механизм работать быстрее. Теперь деловой мир воспринимал его как самостоятельную, влиятельную фигуру.

О семье владельцев информации практически не было. Несколько раз мне попадались короткие упоминания о младшем брате Демьяна, совладельце холдинга, который занимался зарубежными инвестиционными направлениями после учёбы в Европе и почти не появлялся в Москве. Никаких фотографий или интервью, словно этого человека не существовало в реальности. Впрочем, младший брат меня не интересовал. Моей единственной целью оставался Демьян Игоревич Демидов.

Небоскрёб «Демидов Групп» уходил в низкое серое небо сорокаэтажной стрелой из тонированного стекла и хрома. Монументальный фасад отражал облака, у подножия дежурили дорогие автомобили, а на входе стояли подтянутые охранники в глухой чёрной форме. Внутри холл подавлял масштабом: лифты со свистом уходили на верхние уровни, гранитные колонны подчеркивали статус, а за стойкой ресепшена сидели девушки модельной внешности. Здесь всё слепило дороговизной, от тяжёлой отделки до безупречной формы сотрудников. Рядовые сотрудники в этой системе казались лишь сменяемыми винтиками.

Я посильнее сжала ремешок сумки, опустила голову, принимая привычный образ испуганной выпускницы, и подошла к стойке.

— Здравствуйте. Я на собеседование в Департамент внешнеэкономической деятельности, к Антонине Павловне.

Спустя пять минут я уже спускалась на цокольный этаж. Контраст оказался разительным: наверху остался глянцевый Олимп, а здесь располагался тихий, заставленный стеллажами архив долговременного хранения, пахнущий старой бумагой. Это и был мир архивного сопровождения ВЭД, где оцифровывались международные контракты и таможенная документация.

Антонина Павловна, начальник сектора, женщина с суровым лицом и седеющим пучком, посмотрела на меня поверх очков в роговой оправе с явным предубеждением. Её оценивающий

взгляд скользнул по моей закрытой блузке, полному отсутствию макияжа и скромным туфлям. Она явно искала подвох.

— Итак, Элисия Марковна... — её сухой голос прозвучал ровно. — Красный диплом, свободный английский и немецкий. Данные отличные, но наша вакансия младшего специалиста архивного сопровождения ВЭД — это рутина, базы данных и старые документы. Зачем вам это?

Она сделала паузу, внимательно всматриваясь в моё лицо.

— При таком резюме обычно претендуют на более перспективные позиции. Почему архив?

Я позволила лицу на мгновение выдать именно ту реакцию, которую от меня ожидали: лёгкое смущение, неуверенность, почти девичью растерянность. Я долго отработывала эту маску перед зеркалом, после чего подняла на неё кроткий, широко распахнутый взгляд.

— Антонина Павловна, мне не нужны престижные позиции, — тихо, с лёгкой робостью, но отчётливо произнесла я. — Мне важна стабильность. Я привыкла рассчитывать только на себя и понимаю ценность места, где можно получить опыт и вырасти внутри системы. Я готова работать с архивами столько, сколько потребуется, рутина меня не пугает. Пожалуйста, проверьте мои навыки.

Женщина хмыкнула, пододвинув ко мне плотную папку с документами.

— Хорошо, проверим. Пятое приложение. Немецкий оригинал и русская версия. Не нужно переводить весь текст. Найдите возможные расхождения между документами: формулировки, ссылки на пункты, реквизиты, технические данные. В работе с ВЭД важно понимать не только порядок хранения документов, но и содержание того, что проходит через систему. Пятнадцать минут.

Я взяла ручку и открыла папку.

Передо мной лежала спецификация промышленного бурового оборудования, приложенная к договору: технические параметры, ссылки на нормативы, обозначения комплектующих и термины, связанные с таможенным оформлением. Для сотрудника без опыта работы с немецкой технической документацией такой текст легко превращался в набор цифр, сокращений и незнакомых терминов.

Я не стала переводить каждую строку. Сначала выстроила структуру: оригинал, русская версия, приложения, ссылки на разделы. Мой мозг автоматически цеплялся за несоответствия, за те места, где менялось значение, а не просто формулировка.

Через десять минут я положила перед ней заполненный лист.

Антонина Павловна внимательно просмотрела мои отметки. Вернулась к нескольким строкам, проверяя, не была ли моя уверенность ошибочной. Затем открыла оригинал, сверила указанные мной фрагменты и только после этого отложила документы.

— Вы не переводили текст, — сказала она наконец.

Я подняла взгляд.

— Нет. Я проверяла соответствие версий.

На её лице впервые появилось что-то похожее на одобрение.

— Большинство кандидатов начинают искать отдельные слова. Вы сначала ищете, где изменилась логика документа.

Антонина Павловна закрыла папку, но взгляд её задержался на моих отметках.

— Большинство кандидатов сверяют слова, а вы смотрите, сохранился ли смысл документа.

Она сделала короткую паузу.

— Тогда ещё один вопрос. Гипотетическая ситуация. Вы обнаруживаете серьёзную ошибку в договоре, который уже подготовлен к подписанию председателем правления хол-

динга. Ошибка может повлечь крупные убытки. Ваш руководитель требует не поднимать вопрос и просто отправить документ в архив. Ваши действия?

Я ответила без секундного колебания, сохраняя на лице выражение абсолютной покорности:

— Сначала я перепроверю информацию, чтобы не вынести ошибочное заключение. Если ошибка подтвердится, зафиксирую её и передам дальше по установленному порядку. Документ с потенциальным риском не должен двигаться дальше только потому, что кому-то неудобно поднимать вопрос.

Антонина Павловна долго всматривалась в моё лицо. Что именно она искала, я не знала, но, судя по едва заметному смягчению взгляда, ответ её устроил.

— Что ж, Стужева, испытательный срок — три месяца. Оформление с завтрашнего дня, должность младшего специалиста ваша. Поздравляю.

Внутренне я отпраздновала эту маленькую победу, но внешне лишь робко и облегченно улыбнулась:

— Спасибо, Антонина Павловна. Я не подведу.

Через десять минут я вышла на крыльцо небоскрёба. Солнце наконец пробило облака, заставив фасад «Демидов Групп» ослепительно сверкнуть зеркальным хромом. Я остановилась, закинула голову и посмотрела на самые верхние этажи, скрытые в вышине. Где-то там, на сороковом уровне, за панорамным стеклом находился кабинет Демьяна Игоревича Демидова — человека-системы, который пока даже не догадывался о моём существовании.

Я медленно перевела дыхание, ощущая, как внутри разгорается холодный азарт. Первый шаг сделан успешно. Теперь главное — строго придерживаться плана, не совершать ошибок и, самое важное, не позволить эмоциям вмешаться в игру.

Глава 2.

Элисия.

Стеклянные двери высотки «Демидов Групп» впускали и выпускали людей с частотой часового механизма. В семь сорок вестибюль напоминал отлаженный конвейер, где каждый винтик точно знал свою траекторию. Мимо меня плотным потоком двигались мужчины в безупречных серых тройках и женщины на шпильках, от которых пахло дорогим селективным парфюмом и той особой уверенностью людей, давно привыкших, что этот мир принадлежит им.

Я стояла у стойки бюро пропусков, привычно растворяясь в пространстве. Графитовая юбка, глухая серая водолазка и напрочь лишённый объёма пучок, зафиксированный намертво, превращали меня в идеальный элемент интерьера. Девушка за стеклом с идеальным каре и непроницаемым лицом скользнула взглядом по моему паспорту. Несколько секунд сухого стука по клавишам, тихий щелчок принтера, и на стойку лёг прямоугольник пропуска.

— Элисия Марковна Стужева. Департамент внешнеэкономической деятельности, сектор архивного сопровождения, — отчеканила она, не поднимая глаз. — Цокольный этаж, проход через левое крыло турникетов. При утере предусмотрены штраф и объяснительная на имя начальника службы безопасности.

Я взяла карту, ощутив пальцами гладкий холод пластика, и приложила её к считывателю. Загорелся зелёный индикатор, механизм мягко провернулся, впуская меня внутрь этой огромной закрытой экосистемы.

Первую половину дня я не занималась ничем важным. Меня просто встраивали в систему компании: оформляли документы, показывали рабочее место и объясняли правила, которые складывались здесь годами.

Мой куратор Кристина, эффектная блондинка в безупречном белом костюме и с помадой цвета спелой вишни, водила меня по цокольному этажу архива с видом человека, который уже сотню раз рассказывал одно и то же.

— Смотри, Стужева, здесь документы по азиатскому направлению. Туда без надобности не суйся, запутаешься в кодировках, — она небрежно постукивала длинными ногтями по металлу. — Здесь европейский сектор. Тут кулер. Туалет в конце коридора направо. Курилка дальше по переходу, но тебе, я вижу, без надобности.

Она выделила мне рабочий стол, показала внутреннюю базу данных для оцифровки архивов ВЭД и помогла активировать корпоративную учётную запись. На меня почти не смотрели. Для местного коллектива я была очередной новой единицей в системе, которой предстоит месяцами приводить в порядок историю международных сделок, переводя старые контракты и таможенные документы в цифровой архив.

Ближе к обеду Кристина подкатила к моему столу тележку, доверху забитую папками.

— Ладно, вводный курс окончен. Вот тебе три папки, здесь контракты с немецкими логистами за последний квартал. Нужно сверить бумажные оригиналы с электронными версиями в системе, проверить реквизиты, комплектность приложений и наличие оригинальных подписей. Все расхождения своди в таблицу. Делай аккуратно, времени до завтра полно.

Как только она ушла пить чай к старшему специалисту Галине Петровне, я наконец перевела дыхание. Документы были моей стихией. Стоило погрузиться в немецкую документацию, как посторонние шумы отдела переставали существовать. Мой мозг работал как сканер, автоматически выцепляя дефекты структуры в сплошном потоке текста. Сложные формулировки договоров страхования рисков и спецификации оборудования выстраивались в чёткую аналитическую схему.

Я работала методично, не поднимая головы около трех часов, пока тень Кристины снова не упала на мой стол. Она лениво водила пилочкой по ногтю, но, заглянув в мой монитор, нахмурилась и остановилась.

— Стужева, ты шутишь? Уже закончила? — в её голосе проступило законное подозрение старшего сотрудника, столкнувшегося с халтурой. — Ты их вообще открывала или просто скопировала прошлые отчеты?

— Я проверила каждый лист, — я чуть поправила очки-нулёвки, купленные для завершения образа. — В контракте с «Берлин-Бау» в реквизитах дочерней структуры указан старый юридический адрес, который не совпадает с данными в приложенной корпоративной справке. А в третьем пакете на дополнительных соглашениях стоит факсимиле главного инженера, хотя пункт 14.2 основного договора прямо требует оригинальные подписи сторон для любых изменений.

Кристина отложила пилочку. Она быстро перелистнула страницы первой папки, сверяясь с моей таблицей в Excel. Её лицо мгновенно утратило снисходительное выражение, сменившись сосредоточенной оценкой опытного исполнителя, который внезапно понял, что перед ним не глупая девочка, а серьёзный конкурент.

— Сама нашла? — спросила она гораздо тише.

— Да.

— Просмотрела все три папки?

— Все три.

Кристина еще раз оглядела стройные столбцы цифр, ничего не добавила, но папки забрала со стола одним движением.

— Жди здесь. Отнесу Антонине.

Спустя десять минут она вернулась, и на мой стол легла новая, куда более скромная по объему, но плотная стопка документов в жёстких обложках.

— Отлично, Стужева. Начальница велела передать тебе документы первого уровня. До конца дня подготовишь три пакета для передачи в правление. Твоя задача — проверить комплектность приложений по описи, сшить финальные версии и подготовить папки к передаче в курьерскую службу правления.

Я послушно кивнула. И именно во время этой рутинной сборки я впервые наткнулась на след человека, который управлял этим зданием.

Документы первой категории подчинялись жёсткой системе. Все три пакета были оформлены одинаково: один и тот же шрифт, выверенные до миллиметра поля, печать только на одной стороне листа. Вероятно, чтобы человеку, принимающему решение, не приходилось переворачивать страницы, искать нужные приложения и тратить время на лишние движения.

Все папки правления закрывались одинаковыми тёмно-синими зажимами. Простая деталь, но она показывала: здесь даже форма подчинялась системе. К каждой папке прилагалась короткая записка-резюме, ровно три строки: суть вопроса, финансовые риски, финальный вывод. Никаких длинных пояснений, только информация, необходимая для принятия решения.

Я провела подушечкой пальца по гладкому синему пластику. Это был не просто внутренний регламент холдинга, а отпечаток характера Демьяна Демидова. Человек, утвердивший этот стандарт, испытывал физическое отвращение к хаосу. Он экономил секунды своего времени, отсекая любую словесную воду. Ему не нужны были красивые презентации и многостраничные объяснения, ему требовался чистый сухой остаток, достаточный для принятия стратегического решения. Жёсткая, безупречно работающая механика.

Пока я собирала документы, в отделе потекли обычные предвечерние разговоры. Образ председателя правления складывался из мелких осколков чужих страхов. Никто тут не называл

его по имени, только «Председатель» или «Демидов», и в этих интонациях сквозило отчётливое напряжение.

— Слышали, секретаршу с сорокового сегодня рассчитали до обеда? — негромко заметил Миша, не поворачивая головы от монитора. — Подала документы на подпись, перепутав очерёдность приложений. Двадцать минут на сборы — и на выход.

— У него пунктик на деталях, — вздохнула Галина Петровна, прихлебывая чай. — Мог бы просто сделать замечание на первый раз. Человек полгода без больничных отпахал.

— Демидов ошибок не прощает, — Кристина лениво повернулась на кресле. — Наш ледокол вообще людей не замечает, пока они не начнут сбоить. На прошлой неделе аналитик из департамента развития на парковке корвалол пила. Он вернул ей годовой отчёт из-за того, что на графиках в приложениях съехали шрифты. Никаких криков, просто посмотрел и сказал: «Сделайте заново к девяти утра». А для неё это автоматический крест на годовом бонусе.

Она иронично усмехнулась, разглядывая свой маникюр.

— Говорят, он в своей башне и ночует. В субботу уезжала от подруги мимо холдинга в два часа ночи, его окна на сороковом горели. У человека ни семьи, ни личной жизни, один бизнес в голове.

Я продолжала методично складывать листы, впитывая каждую деталь. В моём воображении постепенно складывался образ человека, не терпящего хаоса и требующего абсолютной точности. Отличная вводная.

В начале второго я вместе с сотрудниками архива поднялась на третий этаж, где располагалась просторная обеденная зона с панорамными окнами, выходившими на внутреннюю площадь перед главным входом. Мы заняли столик у самого окна.

Миша, сделавший глоток эспрессо, вдруг нахмурился, всматриваясь вниз через прозрачную панель.

— И надо же было такому случиться...

Кристина подняла глаза.

— Что там?

— Кажется, планы изменились. Смотри.

Кристина потянулась к стеклу, и её расслабленная поза мгновенно сменилась сухой собранностью.

— Не может быть...

— Что? — спросила Галина Петровна.

Кристина тихо произнесла:

— Демидов.

Я посмотрела на неё.

— А что такого? Разве он не работает здесь?

Кристина даже не улыбнулась.

— Работает. Просто сегодня его здесь быть не должно. Он должен был утром улететь в Сингапур. Переговоры по новому контракту.

— Сорвалось? — спросил Миша.

Кристина только пожала плечами.

— Значит, что-то случилось.

Любопытство оказалось сильнее меня. Я встала, подошла ближе и заглянула в окно. У главного входа стоял антрацитово-чёрный Майбах. Машина выглядела не просто дорогой, она казалась частью той системы, куда я пыталась попасть. Двери распахнулись синхронно. Сначала вышли двое охранников в чёрных костюмах, быстро осматривая площадь. А затем из машины вышел он.

За нашим столиком разговоры стихли сами собой. Не из страха, а скорее из профессиональной привычки считывать момент, когда в системе меняется давление. Миша вернулся к

своей кружке с кофе, Кристина медленно отодвинулась от окна. Даже на площади внизу движение людей будто стало более упорядоченным, потеряв хаотичность.

Демьян Демидов шёл к дверям холдинга. Высокий, плотный, в тёмно-сером пальто жёсткого кроя, идеально сидящем на широких плечах. В его походке не было ни спешки, ни желания произвести впечатление. Он двигался спокойно, как человек, присутствие которого само по себе определяло порядок вокруг.

Он не смотрел по сторонам, не проверял реакцию окружения и не искал чужих взглядов, полностью игнорируя суету вокруг. Мне была видна лишь жёсткая линия его профиля, плотно сжатые губы и холодный, сосредоточенный взгляд человека, чей мозг прямо сейчас просчитывал очередной рабочий сценарий.

Когда стеклянные двери захлопнулись за его спиной, скрывая Демьяна Демидова внутри здания, площадь снова ожила, словно кто-то снял невидимое напряжение.

— Он же должен был лететь в Сингапур по контракту на поставку оборудования для портового комплекса, — тихо заметила Галина Петровна. — Если вернулся, значит, партнёры опять изменили условия. Теперь весь юридический отдел до утра из офиса не выйдет.

Я медленно вернулась к своему месту. Демьян Демидов исчез за стеклянными дверями, но теперь он был уже не просто именем из моего блокнота. Он был здесь, в нескольких десятках этажей надо мной.

Первый раз я увидела цель не на фотографии.

Дома пахло тушёной капустой. Леся снова умудрялась выжимать максимум из нашего скудного бюджета, маскируя бедность специями. Она встретила меня в прихожей, а в глубине карих глаз привычно затаилось ожидание худшего.

— Ну как? — спросила она полусшепотом, принимая у меня пальто. — Как первый день? В отделе нормально приняли?

Я прошла к раковине, открыла воду и наконец позволила себе снять маску покорной дурочки. Мышцы лица приятно расслабились.

— Все штатно, Лесь. Нашла пару косяков в старых договорах, начальница оценила. Место тихое, никто лишних вопросов не задаёт.

Леся облегченно выдохнула и поставила передо мной тарелку:

— Слава богу... Значит, просто будешь работать? Без этих твоих... планов?

Я посмотрела на сестру. В её глазах была такая надежда, что мне на секунду стало больно. Я мягко улыбнулась, накрывая её тонкие пальцы своей ладонью.

— Все будет хорошо, Лесь. Ешь давай.

Позже, когда сестра ушла в ванную, я заперлась в своей комнате. Достала со дна сумки потёртый блокнот в чёрной обложке, открыла чистый разворот и чётким мелким почерком аналитика зафиксировала первые системные маркеры:

1) **Демьян Демидов. Председатель правления.** Сороковой этаж.

2) **Специфика контроля:** папки для докладов строго с темно-синими зажимами. Текст на одной стороне листа.

3) **Формат информации:** резюме строго в три строки (суть, риски, итог). Длинные отчеты уходят в шредер.

4) **Психологический профиль:** высокая требовательность, ориентация на результат, минимальная терпимость к ошибкам.

5) **График:** фанат работы, регулярно остается в офисе после полуночи.

Я закрыла блокнот и спрятала его под матрас. Завтрашний день требовал идеальной точности.

Глава 3.

Элисия.

За первую неделю цокольный этаж перестал казаться лабиринтом, постепенно обретая чёткие внутренние границы и законы. Я выучила график движения документов, мелкие привычки сотрудников и негласные правила, по которым жил наш отдел. Мой рабочий стол превратился в наблюдательный пункт, а я сама стала идеальным элементом интерьера, фиксирующим любые изменения и остающимся для остальных почти невидимым.

Я уже знала, кто неизменно приносит на работу домашние пирожки, кто прячет шоколадки в нижнем ящике стола, спасаясь от стресса, кто еженедельно воюет с бухгалтерией за копеечные надбавки и почему Миша после пяти вечера принципиально игнорирует телефон.

Спустя несколько дней Кристина окончательно избавилась от привычки перепроверять за мной каждую запятую. Теперь она просто сгружала папки на край моего стола, бросая короткое:

— Стужева, это наверх.

Для кого-то это была мелочь, для меня — первым подтверждением того, что я успешно мимикрировала под окружение. Я добилась главного: стала привычной, незаметной частью офисного ландшафта, человеком, чьё присутствие отмечают лишь мельком.

Я намеренно не искала Демьяна Демидова в глянцевах статьях бизнес-журналов. Пресса тиражировала исключительно парадный фасад, созданный пиар-службой холдинга: молодой, жёсткий лидер, преемник промышленной империи и лицо нового поколения крупного бизнеса. Меня интересовала изнанка, не глянцевого образ для публики, а реальные следы, оставленные им в управленческой вертикали.

В среду его Майбах припарковался у главного входа в семь тридцать утра, на полчаса раньше обычного. К девяти часам на верхних уровнях явно что-то произошло: секретари лавировали между кабинетами с двойной скоростью, встречи переносились на ходу, а руководители направлений спешно проводили внутренний аудит собственных отчётов.

Портрет Демидова складывался из чужого напряжения. Юристы, спускавшиеся в цоколь после докладов на сороковом этаже, перепроверяли комплектность документов с дотошностью сапёров.

— Он даже взгляд от монитора не поднимает, когда ты заходишь, — негромко делился ведущий специалист у кулера, промокая лоб платком. — Роняет два слова: «Переделать» или «Свободны». И голос такой ровный, без единой эмоции, что лучше бы наорал, честное слово. Все перед ним на цыпочках ходят, пытаются заранее угадать, чего он сегодня потребует.

Я вернулась за свой стол, мысленно перебирая услышанное. Все говорили не о самом Демидове, а о собственном страхе перед ним. Люди заранее пытались угадать его настроение, подстроиться, не выделяться, не ошибиться. Но человек, который каждый день принимает десятки решений и руководит огромной системой, вряд ли обращает внимание на подобные вещи. Страх редко помогает произвести впечатление, он скорее обезличивает людей, а одинаковых обычно не запоминают.

Реальный шанс представился сегодня в три часа дня. Обычно сотрудники архива не поднимались к руководству лично, вся коммуникация шла через курьерскую службу. Но система дала сбой, создав для меня идеальную точку входа.

В отдел стремительно зашла Антонина Павловна. В её руках был зажат плотный контракт в жёсткой обложке.

— Стужева, срочно, — её тон не терпел возражений. — Контракт на международное логистическое сопровождение поставок оборудования. Юридический департамент обнаружил расхождение в пункте об обеспечении обязательств. В немецком оригинале одна формули-

ровка, в русском переводе — другая. Кристина на складе принимает аудит. С твоим немецким справишься быстрее остальных. Найди проблему, подготовь краткое заключение и отнеси документы на сороковой этаж. Передашь Ирине в приёмной, она доложит Демидову.

Внутри все подобралось, пульс на секунду ускорился, но холодный, аналитический покой мгновенно вернул контроль. Началось.

— Приняла, Антонина Павловна. Сделаю, — я поднялась, одернула графитовую юбку и забрала папку.

Я села за стол и вчиталась в немецкий текст. Ошибка заключалась не в знании языка, а в юридической трактовке одного термина. Одно неверно выбранное слово полностью меняло распределение рисков между сторонами договора.

Я открыла чистый бланк и за десять минут подготовила краткое аналитическое заключение. Три строки: суть проблемы, возможные риски, вариант решения. Тёмно-синий зажим, выверенные поля. Всё выглядело так, как и должно было выглядеть.

После я отправилась наверх. Индикатор на панели вспыхнул, и кабина лифта мягко остановилась на сороковом этаже. Здесь не было кричащей роскоши, интерьер подчинялся строгому стилю: серо-стальной гранит, матовое стекло и давящая, почти осязаемая тишина. На кожаном диване в приёмной сидели двое мужчин в дорогих костюмах. По их напряжённым позам и тому, как плотно они прижимали к коленям кейсы, было очевидно: эти люди ждут не рядового совещания, а окончательного вердикта.

За стойкой из белого камня находилась старший секретарь Ирина. Безупречная укладка, строгий деловой костюм и выражение лица человека, который ежедневно фильтрует потоки высокой значимости.

— Архив. Срочное аналитическое уточнение к немецкому контракту для Демьяна Игоревича, — я выложила папку перед ней, сохраняя ровный, профессиональный тон.

Ирина скользнула взглядом по тёмно-синему зажиму, бегло проверила оформление записки и на секунду приподняла бровь. Ни одной мелочи, к которой можно было бы придраться. Она уже потянулась к селектору, но нажать кнопку не успела: дверь кабинета открылась.

— Ирина, протокол по... — Демьян Демидов остановился на пороге.

Он был без пиджака, в белой рубашке с расстёгнутым воротом и закатанными до локтей рукавами. Вблизи он выглядел массивнее, крупнее. Тёмные жёсткие волосы слегка растрёпаны, на переносице залегла глубокая складка. От него исходило ощущение тяжёлой, подавляющей функциональности, какая бывает у отлаженного промышленного станка: никакой суеты, только чистая сила и контроль.

Его холодный, стальной взгляд упал на папку, которую держала Ирина, а затем плавно перевёлся на меня. Никакой личной заинтересованности или удивления, он сканировал меня как новую переменную в привычной системе.

— Что это? — его голос оказался низким, с легкой хрипотцой, абсолютно спокойным.

— Из архива, Демьян Игоревич, — Ирина мгновенно подобралась. — Уточнения по немецкому контракту.

Демидов сделал шаг вперёд, забрал документы прямо из её рук и раскрыл папку. Его глаза за секунду считали мои три строчки резюме. Он не стал перелистывать к основному тексту, его внимание остановилось именно на кратком выводе. Мой расчёт оказался верным: система синих зажимов сработала идеально.

— Кто готовил заключение? — спросил он, не поднимая головы от листа.

— Я, — ответила ровно, удерживая прямой взгляд.

Демидов наконец поднял глаза. Ледяная серая сталь, абсолютно непроницаемая.

— Здесь расхождение в переводе термина *Hinterlegung*. В версии, подготовленной юридическим департаментом, указано «залог». В вашей редакции — «депонирование». Обоснуйте.

Я ответила без малейшей заминки, сохраняя интонацию сухого отчета:

— В данном контексте речь идёт не о передаче имущества в обеспечение обязательств, а о размещении денежных средств у третьей стороны до выполнения условий соглашения. Термин «залог» здесь меняет смысл пункта. В результате русская версия договора начинает говорить об одном механизме, а немецкая — о другом. Если возникнет спор, это станет проблемой.

Демидов молчал несколько секунд. В приёмной будто упало давление, мужчины на диване даже перестали перелистывать свои бумаги. Я не стала добавлять аргументов, понимая, что лишние слова только размоют позицию.

Он снова перевел взгляд на лист, оценивая структуру трех строк сверху.

— Кто научил вас такому формату подачи информации?

Вопрос лежал вне плоскости лингвистики. Его заинтересовал алгоритм.

— Никто, — спокойно произнесла я. — Я заметила, что документы, поступающие вам на подпись, оформлены по одному принципу: суть, риски, итог. Такой формат показался мне наиболее эффективным.

Его взгляд задержался на мне ещё на мгновение. Это не было удивлением или одобрением, скорее профессиональная оценка руководителя, зафиксировавшего появление полезного инструмента.

— Ирина, — коротко кивнул он, и секретарь тут же бесшумно оказалась рядом. — Связитесь с юридическим. Пусть ждут мои замечания.

После этого он посмотрел прямо на меня.

— Архив?

— Да.

Короткий кивок.

— Продолжайте.

Он развернулся и скрылся за дверью кабинета. Я направилась к лифтам — первое испытание позади.

Когда я уже нажимала кнопку вызова, Ирина негромко спросила:

— Из новеньких?

— С прошлого понедельника в архиве, — ответила я, слегка улыбнувшись уголками губ. Двери кабины сомкнулись, возвращая меня обратно на цокольный этаж. Первое зерно было брошено.

Дома привычно пахло специями и тушёными овощами. Мы поужинали с Лесей, обсуждали рутинные бытовые вопросы: текущую стоимость продуктов и мастера по ремонту стиральной машины, которая периодически сбоила при отжиге. Я смотрела на её тонкие запястья, на усталые пальцы, удерживающие чашку с кипятком, и внутри крепла уверенность: я всё делаю правильно. Назад дороги нет.

Позже, закрывшись в своей комнате, я достала из-под матраса чёрный блокнот. Прежде чем сделать новую запись, я детально восстановила в памяти каждую секунду, проведённую на сороковом этаже.

Я шла туда, ожидая столкнуться с самодурством или демонстративным давлением человека, опьянённого властью. Вместо этого я получила короткую и жёсткую проверку по существу. Демьян Демидов не искал повода для самоутверждения, он проверял функционал. И это делало его в разы опаснее. Против классического тирана можно выстроить стратегию противодействия, но против холодного математического ума эмоции бесполезны. Здесь требовался только безупречный расчёт.

Шариковая ручка оставила на странице новые системные маркеры:

1) **Сороковой этаж.** Первый контакт состоялся.

2) **Речевые маркеры:** предельная лаконичность, отсутствие вводных слов.

3) **Метод оценки:** проверяет аргументацию лично, не перебивает, если ответ по существу.

4) **Предварительное наблюдение:** реагирует на системность и экономию времени. Личность сотрудника игнорирует, оценивает только КПД.

Я закрыла блокнот. Строчку «Безжалостный тиран» пришлось мысленно вычеркнуть. Всё оказалось гораздо сложнее. Демидов — человек, который сначала анализирует данные, а уже потом принимает решения, не прощает системных сбоев. И мне придётся стать для него идеальным алгоритмом.

Глава 4.

Демьян.

Дверь кабинета закрылась с едва слышным щелчком, полностью отсекая малейшие звуки снаружи. Я остался один в этом идеально сконструированном, дорогом вакууме.

Прошёл к рабочему столу из массива морёного дуба, где соблюдалась привычная геометрия: клавиатура, монитор, чашка с остывшим эспрессо и синяя папка, принесённая из приёмной. Тёмно-синий пластиковый зажим удерживал бумаги в идеальном порядке.

Я опустил в кресло и на несколько секунд прикрыл глаза. За последние двое суток набралось едва ли четыре часа сна. Сделка с немецкими логистами трещала по швам: финансовый блок уже пересчитывал экономику проекта, а юридический департамент умудрился пропустить формулировку, которая меняла механизм обеспечения обязательств в пользу контрагента.

Я раскрыл папку. Взгляд снова зацепился за три верхние строчки. Никаких «Уважаемый Демьян Игоревич», никаких размытых вводных фраз и длинных объяснений. Только суть, риск и решение.

Предмет: пункт 7.4. Обеспечение обязательств.

Суть: термин *Hinterlegung* переведен как «залог». Требуется замена на «депонирование».

Риск: действующая редакция позволяет контрагенту оспорить исполнение обязательств холдинга.

Я перевернул страницу, углубляясь в текст перевода и пояснения в записке. Перечитал ещё раз. Нет, это не было удачным совпадением. Стужева не просто подтвердила наличие расхождения. Она увидела, где именно переводчик изменил смысл положения. Юридический отдел правильно определил проблему, указав на несоответствие двух версий документа, но там это посчитали обычной технической опечаткой. Она же оценила последствия: одно слово полностью меняло суть договора. Её формулировка возвращала тексту первоначальный смысл и закрывала потенциальную дыру.

Я нажал кнопку селектора.

— Да, Демьян Игоревич? — мгновенно отозвался ровный голос помощницы.

— Зайди.

Ирина появилась через секунду. В её движениях читалась привычная готовность принимать указания.

— Кто выполнял первоначальный перевод этого документа?

— Документ поступил из юридического департамента, — ответила она. — Перевод подготовлен внешним бюро, согласование проходило через юридический отдел.

— А почему аналитическая записка пришла из архива?

— Стужева получила документы для проверки немецкой версии и подготовила сравнительный анализ.

— Давно она в компании?

— Вторую неделю. Оформилась в прошлый понедельник.

— Запроси в HR её личное дело.

— Подготовить краткую справку?

— Да. Только основное.

— Будет сделано. Что-то еще?

— Нет. Свободна.

Ирина бесшумно исчезла за дверью. Я снова посмотрел на короткое резюме: суть, риск, решение. Это была не просто форма, а мой прямой формат мышления. Стужева не просто

следовала системе, которую я когда-то выстроил внутри компании, — она поняла, зачем эта система существует. Такое понимание встречалось куда реже обычной исполнительности.

Один удачный документ мог быть случайностью или разовым прозрением, а мне требовалась закономерность.

Два дня спустя холдинг продолжал работать в своём жёстком, привычном ритме. Я проводил третье совещание подряд в главном конференц-зале, где кондиционеры поддерживали искусственный холод, едва глушивший общее напряжение.

— ...таким образом, задержка поставок по восточному крылу составляет всего три недели, что остаётся в рамках допустимого интервала погрешности, — руководитель департамента международной логистики Корнеев, заметно страхась удушливой паузы, попытался выстроить уверенную интонацию. — Подвели субподрядчики, на таможне изменились пошлины, мы сделали всё от нас зависящее.

Я молчал, наблюдая за его мимикой, пока поток оправданий не иссяк естественным образом. Это вызывало глухое раздражение: системные сбои в компании всегда пытались списать на погоду, контрагентов или законы физики.

Я придвинул к себе распечатку приложения, взял ручку и прочертил короткую линию.

— Нет, — сказал я ровно.

За столом мгновенно выключились все фоновые шумы. Я развернул лист к Корнееву и указал на третью графу:

— Коэффициент плотности загрузки рассчитан по старой ставке портового сбора. Из-за этой «мелочи» логистическая цепочка сбилась ещё при погрузке в Гданьске. Таможня и субподрядчики не имеют к этому отношения, вы просто не проверили базовые данные.

В зале установилась тяжелая тишина. Корнеев всматривался в распечатку, которую его аналитический отдел, судя по всему, собирал вслепую.

Справа подал голос начальник аналитиков, амбициозный сотрудник, рассчитывавший превратить чужую ошибку в карьерный повод:

— Демьян Игоревич, если позволите, наш отдел уже подготовил план оптимизации на случай подобных сбоев. Мы предвидели возможные накладки со стороны логистов и разработали алгоритм...

Приторная, липкая лесть. Я даже не повернулся к нему. От попыток угодить, подстелить соломку и угадать настроение меня уже тошнило. Им всем было плевать на дело, они защищали только собственные места и бонусы.

— Корнеев, — я прервал его, не поворачивая головы, — после совета директоров передайте полномочия заместителю. В холдинге вы больше не работаете. Все свободны.

Я поднялся и вышел, чувствуя, как в висках начинает пульсировать усталость. Вокруг слишком часто возникали декорации, за которыми скрывалось банальное нежелание нести ответственность.

На краю моего стола уже лежала новая стопка бумаг, оставленная Ириной. Я взялся за верхнюю папку. Синий зажим, выверенные отступы, привычные три строки над основным текстом:

Предмет: Сверка транспортных накладных европейского направления.

Исполнитель: Стужева Э.М.

Я перелистывал страницу за страницей, оценивая структуру. Никакой лишней воды, ссылки на внутренние регламенты холдинга даны с точностью до пункта, финансовая аргументация сведена в прямые корреляции. Документ был собран так, словно его готовила не рядовая сотрудница архива, а холодный, хорошо отлаженный алгоритм.

Я автоматически отметил этот факт, внес подпись в итоговый блок и отложил папку в стопку утвержденных материалов.

Элисия.

На цокольном этаже воздух казался тяжелее: старые бумажные массивы пахли сухим картоном и нагретым пластиком постоянно работающего оборудования. Но для моих задач это пространство подходило идеально.

Я сидела за рабочим столом, отгородившись от остального отдела монитором и двумя вертикальными стопками дел. Время приближалось к двум часам дня.

В таможенных декларациях по франкфуртскому сектору за прошлый период обнаружилось расхождение. Номер партии в седьмой графе не совпадал с приложением к спецификации. Всего одна цифра, способная при таможенном досмотре остановить движение груза на терминале.

Это была уже четвёртая ошибка за смену, прошедшая через несколько этапов согласования до того, как попасть в архив. Я внесла правку в систему учёта, прикрепила скан оригинала и отправила уведомление специалисту ВЭД.

Антонина Павловна, проходившая мимо с кружкой, задержалась за моей спиной. Её взгляд остановился на экране, где закрывалась карточка изменения.

— Стужева, что там? — уточнила она.

— Опечатка в коде партии, Антонина Павловна. Привела в соответствие со спецификацией Б-12.

Начальница архива несколько секунд молча всматривалась в моё рабочее окно. В её опыте любой подобный недочёт обычно становился поводом для длинных разбирательств или попыток выслужиться, я же просто вернула данные в нормативное состояние.

— Хорошо, Стужева, — сухо ответила она. — Продолжай.

Кристина окончательно перестала перепроверять отправляемые мной папки, убедившись: если после моей проверки документ уходил вверх, его больше не возвращали. Она даже не подняла головы от телефона, где лениво листала ленту соцсетей, и просто переложила стопку в корзину для отправок.

В крупных корпоративных системах доверие формируется не громкими заявлениями, а воспроизводимостью результата. Если цепочка не даёт сбоев, контроль ослабевает, а исполнитель становится естественной частью процесса — незаметной, но функционально необходимой.

Демьян.

Вечернее солнце уходило за линию высоток, затапливая кабинет плотным янтарём. Я заканчивал работу с документами, когда под руку попал очередной проект, подготовленный Стужевой, — аналитическая справка по архивным материалам немецкого направления.

Текст был выстроен безупречно: три строки резюме снимали необходимость поднимать приложения, ответы на возможные риски уже содержались в самом теле отчёта.

Я поставил подпись и вызвал помощницу:

— Ирина.

Она вошла без задержки:

— Да, Демьян Игоревич?

— Стужева, — я постучал пальцем по синему зажиму отложенной папки. — Она действительно числится в архивном отделе?

Ирина на секунду задержала взгляд на папке.

— Да, Демьян Игоревич. Я подняла её личное дело. Обычный сотрудник архивного отдела. Переводов, временных назначений или участия в специальных проектах нет. Диплом с отличием, характеристики хорошие. Никаких рекомендаций сверху или особых отметок.

Я промолчал. Линейный персонал редко демонстрировал подобное понимание архитектуры бизнес-процессов. Регламенту можно научить любого, а вот способность увидеть, какая

информация действительно имеет значение для принятия решения, приходит далеко не ко всем.

— Хорошо, свободна, — произнес я, поднимаясь с места.

Ирина кивнула, забрала подписанные папки и бесшумно вышла.

Я подошёл к панорамному окну. Вечерний город медленно зажигал огни. Если через месяц этот уровень не просядет, оставлять сотрудника с таким потенциалом в архиве станет экономически нецелесообразно.

Олеся.

В нашей квартире старый холодильник выдавал привычный низкий гул. Я сидела за кухонным столом, разглядывая Элю, которая только что опустилась на соседний стул с видом человека, отработавшего смену на заводе.

— Нет, ты только послушай, — я пододвинула к ней тарелку. — Мастер по стиральным машинам сегодня превзошёл сам себя. Звонит в двенадцать, обещает быть через час. В три дня я набрала его сама, и он абсолютно серьёзно сообщил, что попал в пространственно-временную пробку и будет в пятницу. В пространственно-временную, Эля! Наша машинка при отжиме пыталась выбить дверь в коридор, а у человека пробки.

Эля чуть заметно улыбнулась уголками губ, устало проводя ладонью по лбу. Под её глазами залегли едва заметные тени, но привычный домашний абсурд немного сбил напряжение.

— Хорошо хоть соседский кот отвлек, — добавила я, наливая чай. — Опять застрял на балконе, пришлось вызывать его шваброй под причитания хозяйки.

Я замолчала. Взгляд зацепился за край квитанции, торчащей из-под подставки для горячего, и веселье окончательно улетучилось.

— Эль, а если без шуток... За ремонт он сорвёт не меньше пяти тысяч. Плюс пришёл счёт за отопление с какими-то космическими цифрами. Я думаю, мне стоит взять ещё одну подработку по вечерам, иначе мы упрёмся в ноль.

Эля молча грела пальцы о кружку. Её лицо оставалось абсолютно спокойным, но я знала этот собранный взгляд: она уже пересчитывала наш бюджет до копейки, закрывая собой каждую брешь.

— Не нужно подработок, Лесь, — произнесла сестра с ровной, убеждающей интонацией. — Стиральную машину отремонтируем, за квартиру заплатим. Я держу ситуацию под контролем. Спокойно ужинай и отдыхай, тебе завтра рано вставать.

Я вздохнула, но спорить не стала. Когда Элисия говорила таким тоном, спорить было бесполезно. Она всегда умела сделать вид, что всё под контролем. Даже тогда, когда нагрузка становилась предельной.

Элисия.

Следующее утро началось со стандартного шума архива. Я только успела открыть первую папку с международными соглашениями, как на столе Антонины Павловны резко зазвонил внутренний телефон.

Начальница сняла трубку:

— Архив, слушаю.

По мере того как она слушала собеседника, её осанка менялась, а выражение лица становилось строго напряжённым.

— Да, Ирина... Поняла. Сейчас сделаем.

Она вернула трубку на рычаг и несколько секунд молча смотрела перед собой, перева-ривая услышанное.

— Что там? — переспросила Кристина.

— Звонили из приёмной Демидова, — Антонина Павловна перевела взгляд на меня. — Демьян Игоревич затребовал аналитическую подборку по действующим немецким контрагентам холдинга. Сказал, чтобы материалы готовила та сотрудница, которая делала последние уточнения по немецкому контракту.

Кристина застыла с полуоткрытым ртом.

— Стужева?

— Да. Видимо, качество работы заметили.

Миша за соседним столом даже присвистнул, с уважением глядя на меня.

— Поднимешь документы сама, Элисия. Лично в приёмную.

За те несколько недель, что я провела в холдинге, я успела понять одно: люди моего уровня редко попадали в поле зрения руководства. Здесь могли годами работать сотрудники, чьи фамилии существовали только в пропусках, почте и внутренних системах. То, что председатель правления не просто увидел мою работу, а запомнил мою фамилию, выглядело почти невероятным.

Для меня это не было ни удачей, ни чудом. Это стало результатом каждой мелочи, на которую остальные не обращали внимания.

Я открыла исходный немецкий файл. Пальцы лёгким касанием легли на клавиатуру. Это был ещё не успех, а только допуск к следующему уровню. Теперь нужно было превратить случайность в закономерность.

Глава 5.

Демьян.

Самое сложное в управлении холдингом заключается не в принятии решений, а в постоянной необходимости отделять реальную картину от той, которую тебе пытаются показать. За годы руководства у меня выработалось чёткое правило: системный сбой редко бывает случайным, куда чаще он становится прямым следствием чьего-то персонального удобства. Кто-то пропустил формулировку, кто-то предпочёл закрыть глаза, рассчитывая, что последствия придётся разгребать уже не ему.

Система «Демидов Групп» оставалась огромной, и большинство сотрудников со временем начинали выбирать путь наименьшего сопротивления. Мне ежедневно приходилось продирается сквозь итоговые отчёты, прекрасно понимая, что за каждой идеально выведенной гистограммой скрывается попытка сгладить шероховатости или скрыть некомпетентность.

В четверг очередное совещание снова застопорилось. За длинным столом уже ждали руководители юридического департамента, международной логистики, финансового блока и аналитики проекта.

— Демьян Игоревич, обнаружилась проблема в договоре, — руководитель юридического департамента Власов осторожно подбирал формулировки, глядя на меня поверх очков. — В приложении номер четыре есть несоответствие по страхованию груза. При наступлении страхового случая компания сможет взыскать лишь около семидесяти процентов страхового покрытия.

Я молча перевернул страницу. Сухие, выверенные блоки текста, расчетные таблицы.

— Кто проверял финальную сборку перед отправкой на подпись? — спросил я. Голос прозвучал без повышения тона, но в зале заметно стихли посторонние шумы.

— Документ прошёл через сектор международной документации, затем после прохождения профильных проверок поступил в архивный сектор для формирования финального пакета, регистрации версий и передачи на согласование, — Власов привычно сместил фокус ответственности. — Юридический департамент работал с редакцией договора, которая была включена в итоговый пакет.

Классическая корпоративная защита: найти смежный отдел и вывести себя из-под удара. Юристы пытались объяснить проблему самым удобным для себя способом, сослаться на дефект исходной версии перевода. Меня же интересовал простой вопрос: почему юридический департамент принял документ к согласованию, не сопоставив изменения между редакциями и связанные с ними юрисдикционные риски.

— Мы проверяли ту редакцию, которая была передана нам как финальная, — уточнил Власов. — Оснований считать её промежуточной у нас не было.

— Финальная сборка пакета перед передачей на согласование действительно проходила через архивный сектор, — негромко внесла уточнение Антонина Павловна. — Стужева оформляла комплект, проверяла наличие приложений и контролировала версии файлов. Но всю историю изменений можно поднять из базы.

Я перевёл взгляд на Антонину Павловну. Она возглавляла сектор архивного сопровождения, через который проходили финальные версии договоров, приложений и сопроводительных материалов перед передачей на согласование и дальнейшее хранение. Её сотрудники не проверяли экономический или юридический смысл документов. Их задача заключалась в другом: обеспечить сохранность версий, корректность маршрута согласования и исключить потерю или подмену файлов между подразделениями.

— Пригласите Стужеву сюда, — распорядился я.

Мне нужен был не виновный. Мне нужен был человек, который последним отмечал движение этого файла через систему и мог показать, на каком этапе цепочка перестала быть прозрачной.

Прошло около десяти минут, прежде чем дверь переговорной открылась. За это время Власов успел ещё раз пролистать документы, а я убедился, что никто из присутствующих не предложит более удобную версию произошедшего.

Стужева вошла без суеты, остановилась у края стола и коротким кивком поздоровалась с присутствующими. В её позе не читалось попытки угадать настроение руководства или считать атмосферу в зале, она просто принимала факт вызова.

— Стужева, — обратился я к ней. — Вы работали с пакетом документов по немецкому контракту?

— Да, Демьян Игоревич.

— Что входило в периметр вашей проверки?

Она скользнула взглядом по папке на моем столе.

— Проверяла комплектность пакета, соответствие версий документов, наличие приложений, корректность оформления и наличие журнала изменений.

— Тогда давайте установим точку сбой, — я подвинул к ней планшет. — Юристы утверждают, что дефект возник при переводе. Поднимите исходную редакцию договора и журнал изменений.

— Да, Демьян Игоревич.

Получив доступ к файлу, Стужева быстро пролистала документ, вернулась на несколько страниц назад и открыла приложение номер четыре. На секунду нахмурилась. Не потому, что сомневалась, а потому, что перепроверяла себя.

— В журнале изменений сохранена полная история редакций, — спокойно произнесла она, открывая технический реестр контрольных версий. — При формировании пакета я проверила, что в систему загружена последняя версия документа и что комплект соответствует исходным файлам. Ошибка действительно есть, но расхождение появилось между версиями документа, а не в процессе архивного сопровождения.

Власов нахмурился, а юристы за столом переглянулись.

— Поясните, Стужева, — потребовал глава юридического департамента.

Она сразу открыла журнал изменений, затем вывела рядом две редакции договора.

— Контрагент направил обновлённую немецкую версию договора. Файл поступил через международный отдел и был загружен в систему как актуальный документ, — произнесла она, увеличивая нужный фрагмент. — В новой редакции ссылка изменена с пункта 12.3 на пункт 12.8. Именно этот пункт отличается от предыдущей редакции и меняет условия между сторонами. Перевод соответствует версии оригинала, которая была загружена последней. Проблема в другом: перед согласованием использовали новую редакцию договора, но сравнение с предыдущей версией не проводилось.

Она развернула планшет к Власову, указывая на дату обновления файла и соответствующую строку в журнале изменений.

— В журнале видно, что обновление заменило рабочий файл без сверки с предыдущей редакцией. Поэтому ссылка на пункт 12.8 осталась незамеченной. Я не анализировала юридическую сторону документа, — спокойно добавила Стужева. — Я увидела несоответствие между версиями и то, что в новой редакции изменилась ссылка на пункт договора. Дальше уже требовалась юридическая оценка.

В переговорной стало тихо. Власов молча пробежал глазами журнал изменений. По тому, как медленно наливалась краснотой его шея, стало ясно: причину ошибки он уже увидел. А его сотрудники, не выявившие различия между редакциями, теперь пытались объяснить произошедшее нарушением архивного сопровождения.

Стужева говорила без торжества или желания подчеркнуть чужую некомпетентность. Она не искала виноватых, а просто показала, где система потеряла контроль. Второй раз за короткий срок человек вне основных управленческих контуров замечал то, что упускали профильные специалисты.

Я наблюдал за ней, пока Власов пытался перестроить аргументацию. Один удачный эпизод можно было объяснить внимательностью, но второй заставлял искать закономерность.

Меня зацепил не сам факт обнаружения ошибки, такие вещи находили и другие. Меня зацепила её методология: она не пыталась выбить карьерные очки или понравиться руководству. Большинство на её месте начали бы осторожно подбирать слова, чтобы никого не задеть, она же сухо раскладывала факты.

При этом я отмечал и слабые места. Усталость уже не удавалось скрыть: её выдавали бледная кожа и лёгкие тени под глазами. А когда Антонина Павловна задала уточняющий вопрос о порядке передачи обновлённых версий между подразделениями, Стужева на мгновение замялась. В документах она ориентировалась безупречно, а вот корпоративную механику ещё только осваивала.

— Совещание окончено, — произнес я, закрывая папку. — Власов, к концу дня жду детальный отчет по действиям немецкой стороны. Все свободны.

Присутствующие начали быстро покидать зал. Проходя мимо Стужевой, юристы бросали на неё косые взгляды, которые она полностью проигнорировала. Девушка уже направилась к выходу вместе с остальными, когда я произнёс:

— Стужева, задержитесь.

Она остановилась. На секунду её плечи едва заметно напряглись — типичная реакция линейного сотрудника на нерегламентированный контакт с первым лицом.

Когда дверь за менеджерами закрылась, я поднялся из-за стола и подошёл к панорамному окну. Девушка осталась у края стола: собранная, с ровной осанкой и прямым взглядом.

— Стужева, — я повернулся к ней. — Фамилия понятна. Имя — нет. Элисия, это полная форма?

— Полное имя, — ответила она без колебаний.

Я повторил его про себя. Редкое фонетическое сочетание, резко выделявшееся на фоне её подчёркнуто незаметного офисного образа.

— Необычно.

— Да, — коротко подтвердила она.

И ничего больше. Никаких попыток развить тему, рассказать историю своего имени или расположить к себе доверительной улыбкой. Обычно сотрудники использовали любую возможность продлить разговор, чтобы напомнить о себе и закрепить в моём внимании, она же просто ждала следующих инструкций.

— Можете идти, — сухо произнес я.

Она кивнула и бесшумно вышла.

Я еще несколько секунд смотрел на закрывшуюся дверь, а затем негромко произнес вслух:

— Элисия...

Через минуту в кабинет вошла Ирина с очередным пакетом на подпись. Она остановилась у стола, на секунду задержав взгляд на моём лице.

— Элисия? — переспросила помощница.

— Что?

— Вы только что произнесли её имя.

Я ничего не ответил, проглядывая первую страницу.

— Редкое имя, — добавила Ирина, раскладывая папки.

— Да, и легко запоминается, — произнес я.

— Обычно специалисты такого уровня остаются для вас исключительно фамилиями в архивных реестрах.

Я оставил это замечание без ответа, потому что в данный момент возразить действительно было нечего.

Поздним вечером город за окном превратился в геометрию неоновых линий и автомобильных фар. В кабинете горела только настольная лампа, освещающая угол дубового стола.

Я просматривал на мониторе список текущих задач холдинга. Палец замер на проекте по североамериканскому направлению. Импорт коллекционного автотранспорта, закрытые аукционы, сертификация, европейская логистика и таможенное сопровождение. Прежде чем материалы попадали к аналитикам и юристам, они проходили через архивный сектор сопровождения. Там фиксировались версии документов, история изменений и маршрут передачи между подразделениями. Формально это считалось техническим этапом, поэтому большинство сотрудников относились к нему как к простой процедуре. Именно поэтому здесь чаще всего и обнаруживались ошибки, возникавшие задолго до финального согласования.

Я открыл карточку проекта и несколько секунд смотрел на список исполнителей первого контрольного этапа. Обычно подобные задачи уходили аналитикам после первичной документальной сверки. Я добавил в маршрут дополнительную проверку.

Исполнитель первого этапа: Стужева Элисия Марковна.

Статус: предварительный анализ документации.

Это не было официальным повышением, авансом доверия или сменой должности. Только усложнённый тест. Возможности сотрудника проявляются не в простых задачах, а там, где цена ошибки становится реальной.

Глава 6.

Элисия.

Каждый человек представлял собой систему. Набор привычек, реакций, слабых мест и решений, которые повторялись под разными обстоятельствами. Большинство называло это характером, хотя при достаточном количестве наблюдений даже непредсказуемость начинала складываться в закономерность. Демьян Демидов никогда не казался мне недостижимым мужчиной, способным вызвать трепет. Он оставался сложным, но вполне просчитываемым механизмом, и сегодня один из его внутренних контуров стал для меня существенно понятнее.

Утром в корпоративной системе появилась новая папка с пометкой о прямом поручении руководства. Антонина Павловна оформила мне временный доступ к рабочему контуру проекта.

— Стужева, это отдельное международное направление холдинга, — тихо произнесла она, скользя взглядом по сторонам. — Внешнеторговые поставки, техническое сопровождение и реставрация премиального автотранспорта из США. Коллекционные модели, закрытые аукционы, оригинальная комплектация. Демидов курирует этот массив лично, так что уровень ответственности соответствующий.

— Я всё подготовлю, Антонина Павловна, — ответила я без лишних эмоций.

Первичная проверка материалов сразу показала специфику задачи. Это был не рядовой архивный пакет. В документах прослеживалась цепочка решений: от выбора поставщиков и условий закупки до изменений в технических спецификациях и согласований по реставрационным работам.

Через эти материалы можно было увидеть не только результат, но и логику, по которой Демидов принимал решения. Меня не интересовала возможность выбиться в фаворитки или произвести впечатление, мне требовалось понять принципы, по которым он фильтровал информацию и делал выбор.

На следующий день я поднялась на сороковой этаж ровно в назначенное время. Там ничего не изменилось: приглушённый свет, идеально чистые рабочие поверхности, отсутствие предметов, не имевших практического назначения.

Он сидел за столом, сбросив пиджак на спинку кресла и слегка закатав рукава рубашки. На лице привычно застыла маска жёсткой сосредоточенности. Демидов молча забрал мой отчёт и начал изучать текст, перелистывая страницы с сухим шелестом плотной бумаги. На седьмом листе его палец замер, остановившись на блоке по оптимизации сервисной модели.

— Стужева, — он поднял взгляд. — Объясните логику этой сноски. Почему вы предлагаете американскую модель обслуживания вместо европейской? Мы исторически опирались на регламенты немецких технических центров, это проверенная база. Вы глубоко просчитывали этот узел или просто использовали эффектные формулировки?

Вопрос содержал прямую проверку на прочность, словно он ждал стандартных отговорок и заученных маркетинговых тезисов.

— Я не являюсь профильным специалистом по реставрации, — ответила я спокойным, ровным тоном. — Но при анализе материалов заметила разницу в подходах. Европейские центры чаще ориентируются на регламентную замену узлов, тогда как в американской реставрационной практике больше внимания уделяют сохранению оригинальных деталей, если их технически возможно восстановить.

Демидов удерживал паузу, не сводя с меня тяжёлого взгляда.

— И к какому выводу вы пришли?

— Что в нашем случае стоит учитывать не только скорость получения детали, но и ценность сохранения оригинальной конструкции. Если поставки снова сорвутся, такой подход снизит зависимость от новых комплектующих.

Он медленно отложил ручку на стол.

— Вот только дело не в логистике, — произнёс он. — Задержки поставок остаются временным фактором. Стратегический бизнес нельзя строить только на ограничениях сегодняшнего дня.

Я задумчиво наклонила голову.

— Тогда вопрос в цене сохранения оригинальности?

— Ближе, — едва заметно кивнул Демьян Игоревич.

— Для владельца коллекционного автомобиля ценность не только в том, чтобы машина ехала. Важно сохранить то, что делает её оригинальной.

— Именно, — в его голосе впервые проскользнуло удовлетворение. — Покупатель платит не за исправный механизм. Исправный механизм можно изготовить заново. Он платит за сохранённый объект с историей. Если заменить половину узлов современными аналогами, машина может потерять значительную часть коллекционной ценности. По этой причине квалифицированный мастер тратит несколько дней на реставрацию родного узла вместо его быстрой замены.

До этого момента я считывала Демидова как человека, руководствующегося исключительно математической выгодой и строгими графиками. Теперь в его системе координат появился контур, который невозможно было занести в таблицу.

— Получается, клиент оплачивает не сам ремонт, а сохранение оригинального состояния автомобиля?

— Именно поэтому данный сегмент рынка принципиально отличается от стандартного европейского ритейла.

Разговор неожиданно вышел за рамки сухого отчёта, хотя длился не более трёх минут. Демидов излагал мысли ёмко, технически выверенно, но за этой прагматикой впервые проглядывало то, что представляло для него личную ценность. Я аккуратно удерживала диалог точными репликами, пока мозг впитывал данные. Я воспринимала его слова не как девушка, а как аналитик, получивший новый инструмент коммуникации.

— Нам потребуются прямые выходы на реставрационные мастерские Детройта, — Демидов жёстко сменил тему, моментально возвращаясь в рабочий режим. — Подготовьте справку по их внутренней сервисной модели. Только сухие факты, без выводов. Передадите через Ирину.

— Будет сделано, Демьян Игоревич.

Мы вернулись к работе так, словно этих нескольких минут разговора никогда не было.

Когда я спустилась в архив, Кристина оторвалась от сканера и пристально посмотрела на меня.

— Ты что, разговаривала с Демидовым почти десять минут? — спросила она, сложив руки на груди.

— Обсуждали проект, — коротко ответила я, занимая свое место.

— Стужева, не делай из меня дуру. Я знаю, сколько обычно длится его разговор с рядовыми сотрудниками. Три минуты. Этого хватает, чтобы забрать документы или разнести человека. А ты пробыла у него почти десять.

Я предпочла оставить её замечание без ответа, уткнувшись в монитор, однако внутренний алгоритм уже зарегистрировал отклонение: Демидов вышел из привычного шаблона.

Впрочем, прямо посреди выверенных цепочек анализа проявился болезненный и неприятный сбой. Впервые я отметила не просто чужую реакцию, а собственную эмоциональную ошибку. Из всего разговора память удерживала не экономические тезисы, а низкий тембр его

голоса. Этот дефект контроля откровенно раздражал. Я несколько раз пыталась вернуть мысли к цифрам и логике, но восприятие упрямо сбивалось на воспоминание о его интонациях.

Глубокой ночью на тесной кухне под тусклым светом одинокой лампы я продолжала выстраивать чужую систему координат. Час за часом я изучала тонкости модельного ряда Ford, прагматизм инженерии Chevrolet и ключевые различия между европейским подходом к сборке и реставрации и американской школой, ориентированной на сохранение оригинальных решений.

Разбирая статью о реставрации старого Ford Mustang 1969 года, я поймала себя на мысли: почему человек вроде Демидова, привыкший оперировать миллиардными оборотами, способен месяцами искать одну-единственную оригинальную деталь, вкладывая в восстановление старого автомобиля больше ресурсов, чем стоит новый суперкар? Что именно он пытается в этом сохранить?

Я закрыла вкладку, но вопрос остался висеть в воздухе.

Дверь тихо скрипнула, и на кухню вошла Олеся. В её глубоких карих глазах читалась усталость, накопившаяся за годы, когда ей в одиночку приходилось тащить нашу семью.

— Эля, ты снова сидишь до трёх ночи?

— Заканчиваю разбор материалов.

Леся подошла ближе, бросила взгляд на открытые схемы и статьи на столе.

— Классические американские автомобили?

— Это по работе.

— В этом и заключается главная проблема, — тихо произнесла Леся, ставя на стол стакан с водой. — Я с самого начала была против твоего плана, Эль. Ты решила войти в его жизнь, изучить его, найти слабые места и использовать их против него. Мне это не нравилось тогда и не нравится сейчас.

Она посмотрела на меня внимательно, уже без раздражения, скорее с тревогой.

— Но даже если ты выбрала этот путь, ты должна была помнить, зачем туда пошла.

Леся кивнула на раскрытые документы.

— Твоя задача была понять, как работает его бизнес. Найти точки давления, разобраться в системе, которую он построил. А сейчас ты второй вечер подряд пытаешься понять не его решения, а его самого, его интересы и привычки. То, что для него имеет значение.

Она сделала короткую паузу.

— Ты отходишь от собственного плана, Элисия.

Её слова попали точно в незащищённую зону. Всю жизнь моей единственной стратегией выживания оставался жёсткий контроль над людьми, ситуациями и неизбежными последствиями. Я привыкла разбирать любой процесс на базовые элементы, чтобы не стать пешкой в чужой партии, и Демьян Демидов оказался первым объектом, которого мне захотелось не просто просчитать. Именно эта смена фокуса несла в себе реальную угрозу.

— Ложись спать, Леся, — ответила я сухо. — Ты ищешь подтекст там, где его нет.

Она покачала головой.

— Возможно. Я просто не хочу, чтобы ты забывала: ты умнее этого. Тебе не нужно становиться чьей-то женой, чтобы получить то, чего ты можешь добиться сама.

Когда сестра ушла, я достала телефон и вошла в зашифрованное приложение.

Объект становился прозрачнее, его реакции поддавались систематизации, а точки контакта были определены. Я создала отдельный файл и внесла новую запись:

Инструмент коммуникации: Автомобили. Американская классика. Реставрация.

Мне требовалось вернуть рабочий контроль, разложить его реакции на закономерности, убрать всё лишнее, субъективное и опасное. Я стёрла из заголовка фамилию «Демидов» и переименовала документ. Новый заголовок гласил: «Не человек. Система».

Глава 7.

Руслан.

Пассажирский лайнер с глухим стуком коснулся посадочной полосы Шереметьево. Пассажиры вокруг сразу зашуршали куртками и защелкали замками ремней, а я откинулся на спинку кресла, наслаждаясь приятным азартом возвращения.

— Ну здравствуй, Россия... Надеюсь, ты по мне не скучала.

Минут через сорок такси свернуло во двор старой девятиэтажки на окраине. За время поездки пожилой водитель успел выложить мне историю про новорожденного внука, сложную личную жизнь дочери и старую «Камри», которая упрямо жрала масло, но всё еще отказывалась отправляться на свалку. На прощание он крепко пожал мне руку и искренне пожелал удачи.

Я вышел из машины, закинул сумку на плечо и огляделся. Стены в серых потеках, старые тополя и скрипучие качели во дворе создавали нужную декорацию. Квартира на третьем этаже оказалась под стать дому: старый продавленный диван, кухонный стол, потёртые стены и почти полное отсутствие мебели.

Дверца старого холодильника открылась с тихим скрипом. Внутри нашлись только бутылка воды и пара забытых консервных банок.

— Ну хоть тараканы не прописались, — хмыкнул я.

В ванной я повернул ручку крана, из которого тут же уныло и мерно закапала вода.

— Отлично. Атмосфера есть.

Скинув куртку, я переоделся в обычные джинсы, простую серую футболку и поношенные кеды. В кармане настойчиво завибрировал телефон, чистый аппарат, купленный специально для этой операции.

— Привет. Долетел?

— Ага. Даже багаж не потеряли, что уже можно считать успехом.

— Квартира устроила?

Я усмехнулся, обводя взглядом облупившуюся краску на стенах.

— Если ты рассчитывал наказать меня за прошлый спор, то у тебя отлично получилось.

— Значит, локация подходит.

— Слушай, ты случайно не заказывал сюда фауну? Подошли бы усатые для полноты легенды.

На том конце едва слышно хмыкнули, что уже приравнивалось к полноценному смеху.

— Если появятся, не выгоняй. Будут свидетелями твоей скромности.

Я рассмеялся, перекладывая ключ из руки в руку.

— Вот за это я тебя и люблю. Истинный романтик.

— Не начинай.

— Рус, — голос на том конце стал предельно жёстким и собранным. — Ты там не переигрывай.

— Не буду, — я мгновенно сбросил легкий тон.

— Ты слишком быстро втираешься в доверие к людям, и эта привычка часто мешает тебе вовремя разглядеть реальную угрозу.

Люди, привыкшие мыслить только категориями риска, всегда считали такую открытость слабостью. Я слишком легко сокращал дистанцию, впуская посторонних в личную зону. Для многих это выглядело неоправданным риском, но для меня оставалось способом увидеть человека раньше, чем он успеет надеть привычную маску.

— Ты сейчас как начальник говоришь?

— Как человек, у которого нет времени вытаскивать тебя из глупых неприятностей.

— Не переживай, — я улыбнулся уже совсем иначе, с привычной уверенностью. — Через месяц ты сам признаешь, что эта комбинация была гениальной.

— Через месяц и обсудим.

Я отключил связь и подошёл к окну, за которым выстроились ровные ряды серых панелек. Забавно. Ещё недавно я пил виски на террасе миланского отеля с видом на собор, а сегодня мне предстояло засыпать под дребезжание старого лифта. Контраст получился отличным, но именно такие игры мне нравились больше всего. Ладно, поиграем.

На следующее утро в здание холдинга я приехал за полчаса до начала рабочего дня, когда огромная стеклянная башня только начинала оживать. У турникетов дежурил хмурый охранник, высокий кавказец с суровым лицом и бейджем «Аслан».

— Доброе утро! — я притормозил у стойки и легко протянул ему руку.

Аслан на мгновение растерялся, но его жёсткая, мозолистая ладонь автоматически ответила на рукопожатие.

— Руслан. Перевелся в организационное развитие. Слушай, Аслан, где у вас здесь варят адекватный кофе? А то после утренних пробок чувствую себя как восставший из ада.

Уже через минуту мы всю общались, а суровый охранник раскатисто смеялся на весь вестибюль, объясняя мне, что на втором этаже у лифтов бариста Денис делает отличный эспрессо. А если сказать, что я от Аслана, сделают по высшему разряду.

По дороге к лифтовому холлу я заметил пожилую уборщицу, которая тяжело накренилась в сторону, таща массивное пластиковое ведро.

— Доброе утро, — я мягко перехватил у неё ручку.

— Доброе... — растерялась женщина, пытаясь забрать ведро обратно. — Ой, сынок, да я сама, мне привычно.

— Тяжелое ведро. Куда нести?

Я молча донес груз до подсобки в конце коридора. Женщина открыла рот, чтобы что-то сказать, но я уже ушёл к лифтам.

В отделе кадров две молодые сотрудницы быстро утратили рабочую строгость после пары моих ироничных замечаний.

— Так, Руслан, теперь сделаем фото на пропуск, — ведущий кадровик развернула ко мне монитор после щелчка камеры.

Я с наигранным ужасом присмотрелся к получившемуся снимку.

— Это же готовый материал для ориентировки.

— В каком смысле? — растерялась девушка.

— Кадровая служба должна официально извиниться за такой ракурс.

Девушки переглянулись и рассмеялись, и то настороженное напряжение, с которым они встретили нового сотрудника, моментально испарилось.

— Переснимем? — кокетливо уточнила вторая.

— Ни в коем случае. Пусть этот снимок ежедневно напоминает мне о суровой реальности корпоративного мира.

Пока одна из них наклеивала штрихкод, вторая бегло просматривала мою анкету в базе.

— Вам придется много перемещаться между подразделениями, — заметила она. — По вашей должности это предусмотрено.

— То есть официально разрешено мешать людям работать? — уточнил я.

Девушка улыбнулась.

— Практически.

— Отлично. Работа мечты, — подмигнул я ей, забирая готовый пластик.

Первую половину дня я честно посвятил освоению пространства. Со мной заговаривали без опаски, и уже через пять минут обычного разговора люди начинали выдавать информацию, которую никогда не озвучивают на официальных планерках. Кто откровенно саботирует

задачи, кто тащит на себе функционал целого отдела, а кто виртуозно рисует красивые отчеты, не имеющие отношения к реальности. Холдинг медленно раскрывался передо мной, словно открытая книга. Для рядового менеджера это были обычные офисные сплетни, для меня же, первые признаки того, где система даёт сбой.

Заглянув к маркетологам, я заметил, что они встретили меня настороженными взглядами.

— Опять проверка?

— Нет, — я безмятежно улыбнулся.

— Тогда зачем пришли?

— Узнать, кто у вас главный сплетник.

В отделе повисла секундная тишина, а потом все дружно со смехом ткнули пальцем в одного парня у окна. Атмосфера была поймана, контакт установлен.

В бухгалтерии я с порога заговорщицки шепнул:

— Девчат, признавайтесь, кто здесь самый страшный человек?

Они переглянулись и хором выдохнули:

— Светлана Борисовна!

Через пару минут эта грозная Светлана Борисовна, поправив очки, уже вовсю смеялась над моей байкой про миланские парковки. Она оказалась нормальной теткой, просто смертельно уставшей от годовых отчетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.